

К вопросу об исследованиях явления эвфемизма и его классификаций

Аймолдина А.А.

Евразийский национальный университет имени Л.Н.Гумилева (Казахстан)

Бұл мақала эвфемизмнің лингвистикалық, когнитивтік және тарихи аспектерін қарастырады. Солай-ақ бұл феноменің көптеген лингвисттердің зертеулері мен классификациялары берілген.

This article considers brief introduction into the linguistic, cognitive, and historical aspects of the development of euphemisms, as well as offers some investigations and classifications of this phenomenon given by different linguists throughout the period.

Термин "эвфемизм" применялся еще античными авторами. Его генезис общеизвестен: сам термин происходит от греческих слов "хорошо", "молва", "речь". Первоначально он толковался как произнесение "слов, имеющих хорошее предзнаменование, воздержание от слов, имеющих дурное предзнаменование (особенно при жертвоприношениях), благоговейное молчание" [8, 562]. Можно утверждать, что люди знали об этом языковом явлении и пользовались им в древности и продолжают пользоваться до сих пор. Истоки этого явления нужно искать в особом складе мышления людей. Эвфемизм - это не просто языковой феномен (слово, словосочетание, или фраза, использованные вместо неудобных, с точки зрения говорящего, лексических единиц), но и отражение склонности человека структурировать действительность особым образом. Употребляя более приемлемое слово, человек снижает остроту конфликта с реальностью, который возникает вследствие запрета - табу на произнесение некоторых слов. Эвфемизм призван решать эту проблему.

М.М. Маковский считает, что феномен табу оказал глубокое влияние на всё последующее развитие человеческой культуры и на само возникновение этой культуры. В феномене табу отразилась диалектика человеческого мышления, взаимопроникновения «да» и «нет» и свобода выбора между ними. По мнению М. М. Маковского, именно табу лежало в основе создания человеческой морали. В основе табу и эвфемизма лежит один и тот же феномен - запрет. Запрет в языке - это недопустимость употребления слова. Следовательно, значение эвфемизма, не только как средства языка и речи, но и как особого способа структурирования реальности, велико. [9, 253].

Общеизвестно, что язык и культура связаны друг с другом: изменения, происходящие в обществе, отражаются в языке. Культура регулирует поведение людей, подавляя опасные и вредные для общества склонности человека, формирует нормы поведения - нравственные, правовые, этикетные. Эти нормы закрепляются в языке. Поэтому исследователи эвфемизмов вынуждены, по словам Крысина Л.П., «привлекать к анализу не только сами эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах» [6, 155].

Рассматривая явление эвфемии в диахроническом плане, считается, что первые эвфемизмы появились в английском языке в среднеанглийский период (XII-XV века). В XIV веке вошла в моду французская культура, призывающая к большей утонченности, в результате чего появилась тенденция к облагораживанию языка. Исследователь истории языка Р. Бёчфилд приводит примеры эвфемизмов в поэзии Чосера, служившего при королевском дворе. Стиль и содержание своих произведений Чосер заимствовал у модных французских писателей. Считается, что Чосер стал первым использовать эвфемизмы для замены прямых наименований из области секса («Wife of Bath», «The Canterbury Tales»). [4, 58].

Во второй половине XVI века пуритане, активные борцы за нравственность, предприняли попытки насильно внести изменения в язык. Они выступали за запрет называть имя Бога всуе. Это табу привело к возникновению целой группы эвфемизмов. Например, шекспировское «Well, God give thee the spirit of persuasion...» стало звучать как «Well, maist thou have the spirit of persuasion».

Английская драма подверглась преследованиям, закрыли театры, поскольку то, что звучало с театральных подмостков, казалось пуританам недостойным. Была введена цензура, появились новые интерпретации произведений Шекспира, и соответственно, новые эвфемизмы. Традиции пуритан оказались настолько сильны, что ощущались и в XVIII веке.

В XIX веке началась индустриальная революция, повлекшая за собой урбанизацию. Мужская часть населения была занята в промышленности, а женщины должны были посвящать своё время дому и семье. В моде была чистота, непорочность и деликатность. Изменение условий жизни привело к изменению общественных вкусов и морали. Новая мораль находила отражение в

языке и литературе. В связи с ужесточением цензуры, произведения великих авторов снова переписывались, чтобы оградить читателей от «непристойностей». Среди тех, кто занимался редактированием классиков, наиболее известен Томас Бодлер. Он является автором десятичного издания произведений Шекспира, знаменитого тем, что из него были исключены «те слова и выражения, которые не могут вслух читаться в благопристойных семьях». Эвфемизмы служили целям цензуры, заменяя собой недопустимые слова. Например, «He that hath kill'd my king and seduc'd my mother» - «Тот, кто убил моего отца и соблазнил мою мать» заменила собой оригинальную фразу «He that hath kill'd my king and whor'd my mother» - «Тот, кто убил моего отца и развратил мою мать». [5, 59]

На Викторианскую эпоху, эпоху пристойности, пришёл расцвет эвфемизмов. Скромность и целомудрие были возведены в культ. Так, появились эвфемизмы, обозначающие части тела не только человека, но и животных и даже частей мебели. К примеру, слово legs заменялось косвенным limbs, belly - abdomen или даже breadbasket. Таким образом, большая часть эвфемизмов той эпохи относилась к интимной сфере жизни.

XIX и XX век - время быстрого научно-технического прогресса, переоценки Викторианских ценностей. По свидетельству Г.Л. Менкена, первая мировая война принесла «defiant looseness of speech» - «вызывающую свободу слова». В литературе поворотным моментом было творчество Д. Г. Лоуренса. Он потратил многие годы на борьбу с существовавшими запретами, призывал к снятию табу на упоминание сексуальных отношений. Лоуренс считал, что «непринуждённая чистая открытость в отношении секса принесёт пользу, а припадки пуританства - как раз средство, которое может дать обратный эффект». [5, 136]

Мировые войны, научно-технический прогресс, постепенная глобализация неизбежно меняют и само общество: исчезли многие табу и появились новые - сексизм, расизм, эйджизм (ageism), религиозизм и др. И как следствие, в настоящее время эвфемизмы, как языковое отражение феномена табу, присутствуют во всех сферах деятельности человека.

Рассмотрим табу и эвфемизмы с языковой точки зрения, обратившись к классикам русского языкознания.

А.А. Реформатский считает табу этнографическим понятием, касающимся и языка. Для замены табу-слов нужны эвфемизмы, «то есть разрешённые слова, которые употребляют вместо запрещённых слов». [10, 105]. По мнению А.А. Реформатского, источником табуирования служат суеверия и предрассудки, а также цензурный запрет и этикет. Обратимся к мнению Р.А. Будагова об эвфемизмах. Учёный считает, что явление табу обусловлено верованиями и отражает определённую ступень в развитии мышления. Оно не прошло бесследно для языка и интересно исследователям, так как даёт возможность разобраться в развитии отдельных слов, в заменах одних слов другими [4, 20]. Однако учёный отрицает генетическую связь современных эвфемизмов с табу, считая, что своеобразные запреты на слова, которые встречаются среди культурных народов, определяются другими причинами. К этим причинам автор относит этические нормы словесного поведения, заставляющие говорящего «смягчать» неудобное слово. Например, не желая оскорблять неумного человека, о нём говорят, что он «не изобретёт пороха». [4, 55]

Эвфемия вызывала и вызывает интерес многих исследователей. Б.А. Лариным (1961), А.М. Кацевым (1977), Н.Ц. Босчаевой (1989), Л.В. Артюшкиной (2002), Г.Г. Кужим (2003) и др. были исследованы и описаны разные аспекты эвфемии. Так, например, семантические способы эвфемистической субституции и типы семантических отношений были изучены Е.Е. Тюриной и Л.В. Артюшкиной. Прагматический аспект эвфемии был подробно рассмотрен Н.Ц. Босчаевой. Эвфемизмы в ряду мелиоративной лексики изучались Г.Г. Кужим. Социально-психологический аспект эвфемизмов рассмотрел А.М. Кацев, эвфемизмы в свете теории вторичной номинации описаны Н.М. Бердовой.

Проведённые исследования демонстрируют многоплановость явления и позволяют выделить четыре взаимосвязанных аспекта эвфемии:

- языковой
- психологический,
- социальный,
- прагматический.

Подходы к изучению этого явления варьируются в зависимости от того, какой аспект исследователь считает наиболее важным. Большинство авторов, исследовавших явление эвфемии, находятся в рамках субституционного подхода, считая эвфемизм субститутом неудобного слова.

«Эвфемизмы - это замененные разрешенные слова, которые употребляют вместо запрещенных (табуированных)» [6, 105].

Созвучное данному подходу определение даёт Лингвистический Энциклопедический Словарь: «Эвфемизмы - это эмоционально нейтральные слова или выражения, употребляемые вместо синонимичных им слов и выражений, представляющихся говорящему неприличными, грубыми или нетактичными». Субституционному подходу соответствует узкое понимание природы эвфемии, в основе которого лежит понятие субституции, то есть замены грубого слова нейтральным. Узкий подход к изучению эвфемизмов можно объяснить тем, что они часто образуются путём переноса значения и часто являются метафорами. Например, слово *academy* используется в значении *brothel* (бордель).

В целом, в отечественной лексикологии распространено узкое толкование эвфемии. А все случаи субституции рассматриваются либо в рамках перифраз, мелиоративной лексики, либо средств манипулятивного воздействия. (Л.В. Грехнева., Г.А. Макарова, А.А. Нефёдова.) По мнению многих отечественных исследователей, мелиорация включает и понятие эвфемистической субституции. Можно, однако, предположить, что субституционный подход к явлению эвфемии не универсален, несмотря на то, что некоторая часть эвфемистических наименований является субститутами: *Irish fever* (*typhus*), *falling evil* (*epilepsy*). Но у субституционного подхода есть ряд недостатков. Так, не всегда можно определить, какое слово было замещено эвфемизмом, т.е. antecedent неизвестен. Кроме того, часто у эвфемизма нет слова-эквивалента (напр., *underachiever*), и оно объясняется описательным оборотом. В этом случае любое слово или выражение является субститутом, так как может быть описано при помощи дефиниции.

Некоторые авторы (И.В. Арнольд, А.М. Кацев) рассматривают эвфемизмы как частный случай косвенной номинации, что характерно для широкого подхода к рассмотрению данного явления. «Косвенное наименование менее тесно и привычно связано с предметом высказывания, в нём предполагаются побочные ассоциативные связи с иным содержанием» [5, 198].

«Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой толкует эвфемизм так: «Троп, состоящий в непрямом, прикрытом, вежливом, смягчающем обозначении какого-либо предмета или явления [1, 169].

В работах западных учёных (D. Cristal, R. Holder, H. Rawson, etc.) эвфемистическая замена также трактуется широко, и разделение на мелиоративы и «собственно» эвфемизмы не проводится. В словаре «The Oxford Companion to the English Language» зафиксировано: «Euphemism - mild comforting or evasive expression that takes the place of one that is taboo, negative or too direct». Холдер, автор словаря эвфемизмов, главным критерием отбора лексических единиц считает их положительную оценочную направленность. [12, 122]. Многие ученые сходятся во мнении, что не существует общепринятых критериев в определении изучаемого явления, тем не менее, на основе выработанных учёными представлений и критериев принадлежности языковой единицы к эвфемизму можно утверждать, что эвфемизм обладает следующими чертами:

- стигматичность денотата (негативная коннотация). Понятие «стигма» расшифровывается в работе Н. М. Бердовой как не только отрицательное качество «предмета», нашедшее своё отражение в его antecedente, но и как его способность вызывать негативные эмоции» [4, 336];
  - создание положительной коннотации;
  - сохранение истинности высказывания.
- Е.П. Сеничкина указывает на несколько дополнительных признаков:
- семантическая неопределённость эвфемизма, позволяющая смягчать негативную оценку денотата;
  - формальный характер улучшения денотата, что позволяет адресату понять, о каком предмете или явлении идёт речь [11, 89].

Если употребляемому для сглаживания негативной эмоции эвфемизму не удастся сохранить связь с денотатом, то это уже не эвфемизм, а намеренное искажение правды. С этим положением согласны все исследователи этого явления. У эвфемизма должны присутствовать все перечисленные признаки.

Мы также являемся сторонниками широкого подхода к явлению эвфемии, относя к этому языковому феномену как устойчивые общелитературные эвфемизмы, нашедшие отражения в нескольких словарях эвфемизмов, так и контекстуальные эвфемизмы, требующие рассмотрения в контексте ситуации и обладающие всеми основными признаками эвфемизма, перечисленными выше.

А теперь рассмотрим существующие классификации эвфемизмов. Многие авторы,

исследовавшие явление эвфемии, предпринимали попытки классифицировать эти единицы. Типы классификаций варьируются в зависимости от аспекта, положенного в основу классификации.

Р.А. Будагов предложил наиболее общую классификацию этих единиц, разделив их на эвфемизмы общелитературного языка и эвфемизмы различных жаргонов. К первым относятся «смягчения» для стремления не называть слишком «грубые» слова («почтенный возраст» вместо «старости»). Эти эвфемизмы, по мнению автора, проникают в литературный язык и способствуют развитию его словарного состава: расширяют полисемию, увеличивают количество омонимов. Например, в XVII веке в Италии арестованным перевязывали руки «особыми приспособлениями», которые вследствие эвфемизации называли «рукавчиками» (по-итальянски ручные кандалы - *manichini* - рукавички, манжеты). Иной характер, считает Р.А. Будагов, имеют эвфемизмы жаргонов. Они отличаются от общелитературного языка тем, что употребляются не только по отношению к таким предметам и понятиям, точные названия которых произнести иногда действительно неудобно. К эвфемизмам жаргонов прибегают тогда, когда, казалось бы, в них нет никакой надобности. Например, эвфемизмы своеобразного жаргона среднепоместного русского дворянства XIX века. «Нехорошо ведущий себя стакан (стакан воняет), облегчила себе нос, обошлась посредством платка».

Отдельную группу, по мнению Р.А. Будагова, представляют контекстуальные эвфемизмы. Они более сложны и определяются «условиями особого контекста или характером того лица, которое выражает свои мысли. Так, различные эвфемистические замены определяются сложной ситуацией, характером тех или иных действующих лиц, общим замыслом» [4, 86]. Контекстуальные эвфемизмы Е.П. Сеничкина называет окказиональными [11, 356]. Они возникают в речи постоянно и обладают всеми свойствами эвфемизмов, но не имеют готовой воспроизводимости. Часто такие эвфемизмы образны и метафоричны. Обращает внимание на этот тип эвфемизмов и А.М. Кацев. Он считает, что окказиональные эвфемизмы обладают большим эвфемистическим эффектом. [5, 75]. Окказиональные (контекстные) эвфемизмы могут со временем переходить в разряд языковых, при этом значительно теряя свой эвфемистический потенциал. Например, слово «голубой» в значении «гомосексуалист» стало эвфемизмом. По мнению Сеничкиной Е.П., существует несколько видов эвфемизмов: языковые эвфемизмы, которые закреплены в языке и осознаются его носителями («кончина» вместо «смерть»); эвфемизмы по происхождению, потенциал которых не осознаётся носителями языка («Лада» вместо «Жигули»; «народный комиссар» вместо «министр»); а также исторические и деэвфемизмы (дисэвфемизмы). Вызывает интерес тематическая классификация Р. Холдера, в которой выделяются шестьдесят лексико-семантических подклассов эвфемизмов. Например, Abortion and miscarriage, Age, Bankruptcy and Indebtedness, Cheating, Commerce Banking and Industry, etc. Эта классификация демонстрирует разнообразие и масштаб групп стигматичных денотатов, для обозначения которых употребляются эвфемизмы. В то время как в тематической классификации А. М. Кацева выделено десять лексических разрядов по понятийным сферам и три по характеру эвфемистического потенциала.[5, 155]

- стертые эвфемизмы (напр. liquidity crisis - inability to pay our debts);
- истинные эвфемизмы;
- истинные эвфемизмы с дополнительным стилистическим эффектом, например, с юмором или иронией.

Б.А. Ларин выделил три группы эвфемизмов:

- общеупотребительные эвфемизмы национального литературного языка;
- классовые и профессиональные эвфемизмы;
- семейно-бытовые [7, 78].

Л.В. Артюшкина в своём исследовании предлагает следующую классификацию эвфемизмов [2, 69]:

- Морально-этические эвфемизмы
- Древнейшие переименования
  - Эвфемизмы престижа
- Эвфемизмы этикета
- Идеологические эвфемизмы

В свою очередь, Горопцева Е.Г. представляет классификацию эвфемизмов в лингвистическом плане, например:

- по структуре (слово, словосочетание, предложение);
- по стилистической принадлежности (возвышенные, нейтральные, сниженные);
- по способу словообразования:
  - 1) семантические сдвиги (метафора, метонимия, сужение значения и др.),
  - 2) способы изменения формы (фонетические искажения, конверсия, аффиксация, аббревиация и др.),
  - 3) заимствования [3, 189].

Анализ вышерассмотренных классификаций изучаемого явления разными авторами вызвана стремлением глубже проникнуть в его суть, рассмотреть его с разных точек зрения, подробнее описать структуру. Многочисленные предложенные классификации эвфемизмов демонстрируют сложность и многогранность явления эвфемии и помогают увидеть его во всей полноте, а также подчеркнуть его роль в современной лингвистике. Тем не менее, следует отметить тот факт, что некоторые явления и обозначающие их слова устаревают и выходят из употребления, но феномен эвфемизма постоянно присутствует в языке, которые так или иначе дает возможность читателю различать скрытое и явное, раскрывающий природу явлений.

Литература

1. Артиюшкина Л.В. Семантический аспект эвфемистической лексики в современном английском языке: Дисс... канд. филол. наук. - М., 2002.
2. Будагов Р.А. Введение в науку о языке. М., 2003.
3. Крысин Л.П. Эвфемизмы в современной русской речи. Русский язык конца столетия. - М., 1996.
4. Ларин Б.А. Об эвфемизмах. Учёные записки ЛГУ, 1961.
5. Лингвистический Энциклопедический Словарь / Под ред. В.М. Ярцевой. - М., 1990.
6. Маковский М.М. Феномен табу в традициях и языке индоевропейцев. - М., 2006.
7. Реформатский А.А. Введение в языковедение. - М., 2005.
8. Сеничкина Е.П. Эвфемизмы русского языка. - М., 2006.